

ИСКУССТВО

4 · 1979

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ СССР
СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ СССР
АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ СССР

Из эпистолярного наследия П. П. Кончаловского

На протяжении ряда лет между Петром Петровичем Кончаловским и Ильей Ивановичем Машковым велась оживленная, хотя и не слишком регулярная переписка. К сожалению, нам доступна лишь одна ее сторона: в архиве И. И. Машкова сохранились не публиковавшиеся ранее письма Кончаловского, охватывающие период с 1908 по 1930 год (некоторые выдержки из них помещены в нашей книге «Илья Машков». М., 1977). Писем же Машкова, за исключением трех открыток 1908 года (собств. М. П. Кончаловского, Москва), мы не знаем. Между тем есть основания полагать, что они были весьма пространны и содержательны. Во всяком случае сам Кончаловский очень ценил их. Так, летом 1908 года он писал Машкову из Ле Лаванду во Флоренцию: «Боюсь, что мои короткие ответы расколят Вас, и Вы перестанете писать Ваши длинные дорожные письма». А 29 ноября 1908 года в письме из Парижа в Москву просил Машкова: «Дорогой мой любимый друг, не сердись на меня за краткое послание и малоинтересное. Не плати мне тем же и шли свои пыльные письма, я так люблю их».

Судя по письмам Кончаловского, наиболее интенсивно его переписка с Машковым шла в 1908 и в 1910 годах: на эти годы приходится большая часть всех доступных нам писем, они на редкость содержательны и эмоциональны, богаты развернутыми суждениями и описаниями. Позже переписка приобретает более деловой и отрывочный характер.

24 Janvier [1925] * Hôtel Port Royal
1. Rue du Faubourg St. Jacques.

Дорогой Ильюша,

Я очень обрадовался твоему письму и очень благодарю тебя за память. Я почувствовал, как много мы пережили вместе в нашей художественной работе, в наших радостных и тяжелых моментах жизни, и как мы близки друг другу. Еще до твоего письма, по приезде в Париж, когда я попал в гущу художественной жизни, я остро почувствовал эту близость к тебе и моим друзьям художникам, и мне очень хотелось написать тебе, и только всякого рода хлопоты, разъезды, приемы откладывали со дня на день мое письмо. Со времени моего отъезда из Москвы¹ я так интенсивно жил, столько видел искусства и сам писал, столько было встреч и знакомств неожиданных, которые влияли на ход моего путешествия, что я не знаю даже, с чего начать. Постепенно невероятный темп парижской жизни отдаляет от меня и стирает светлый образ Италии с ее дивным пейзажем и божественным

* В квадратных скобках указаны не обозначенный в оригинале год написания письма, а также недописанные части слов.

Письма предбубнововалетских и бубнововалетских лет свидетельствуют о горячей дружбе, которая связывала этих живописцев и помогала им найти себя и утвердиться в своих идеалах. Например, в октябре 1908 года Кончаловский писал Машкову из Парижа: «Я свято верю в то, что разлука наша еще больше скрепит нашу дружбу, еще больше мы будем нужны друг другу. Ты будешь писать мне много обо всем, что тебя волнует и радует, будешь поддерживать во мне связь с моей родиной, в которой я так много пережил и так много люблю». Как верно заметил в своей знаменитой статье «Машков и Кончаловский» А. Н. Велуа, это была «связь не только в дружественном отношении, но и в общих задачах»*.

Любезно предоставленное нам вдовой И. И. Машкова Марией Ивановной Машковой письмо Кончаловского от 24 января 1925 года стоит в его переписке с Машковым несколько особняком. По содержательности и живости изложения оно перекликается с его ранними письмами. Но если в прежние годы писем было много и они складывались в своеобразные циклы, вне контекста которых каждое из них несколько теряется, то публикуемое письмо, судя по всему, было единственным посланием Кончаловского Машкову за всю его долгую заграничную поездку 1924—1925 годов. Оно не только ценно по форме, но и весьма интересно фактическим документальным содержанием.

И. Болотина

искусством. Все же начну мою Одиссею по порядку. Метафора Одиссея не совсем подходит к данному путешествию, т. к. я не оставил дома своей жены, как Одиссей свою Пенелопу, и Телемах мой Мишка², да плюс и Наташа³, для которой не находится параллели у Гомера, все время со мною. Обуза прежних путешествий — Мишка и Наташка — теперь стали подспорьем, а в Мишке я приобрел и восторженного собеседника, с которым делю все радости художника и который не на шутку помогает мне.

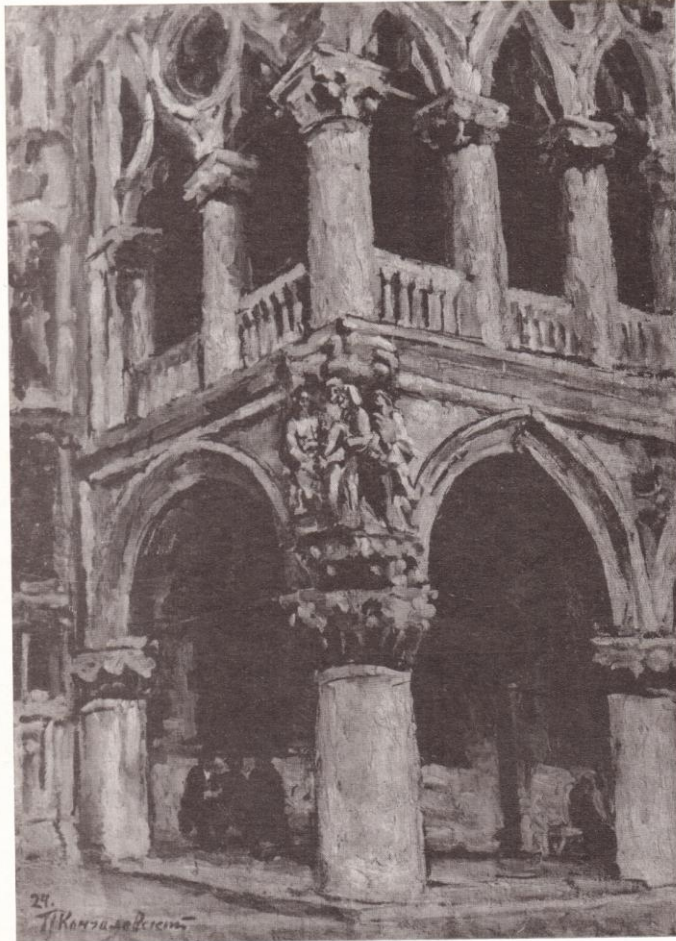
Пролетая насквозь Германию, мы с ним ублажались на каждой станции пивом и сосисками, хотя в Берлине задержались специально для осмотра музеев. В Венеции началось настоящее блаженство. 10 дней бродили по музеям, и хотя была наша выставка⁴, на нее не тянуло, не тянуло также ни к какому современному искусству. Зато исходили и осматривали каждый уголок, каждую церковь Венеции. И чего только не разыскал я там. Через 10 дней решили ехать куда-нибудь на море, в глушь, чтобы отдохнуть, покататься и поработать. Осмотрев наскоро,

* «Речь», 1916, 15 апр.

в 3 дня, Флоренцию, поехали в Рим с намерением оттуда съездить в Ostia или Porto d'Anzio, или еще какое-нибудь приморское местечко, чтобы поселиться там. И вот после двадцатилетнего (точно!) перерыва (Наташке был 1 год) я снова увидел Рим. Каких только чувств не навалилось на меня! Как близок и дорог вдруг стал Рим с воспоминаниями о наших громадных художниках и писателях. В час ночи мы прибыли в него и, оставив вещи, пошли все вчетвером искать ночлега. Пошли пешком на старые места. И вот Via Sistina, где жил Гоголь и Иванов, и фонтан Тритона, против которого жил Василий Иванович⁵, и, наконец, улочка, где мы с Олечкой⁶ поселились первый раз⁷. Все это стало таким близким, точно и не уезжал отсюда. Бродили долго и наконец нашли пансион, где и остановились. Съездили в Остию, не понравилось, хотелось южнее и горячее, и тут же на следующий

П. Кончаловский. Венеция. Палаццо дожей. Масло. 1924.

день дунули в Неаполь (ведь я его никогда не видал).

Ничего лучше нельзя было придумать, как поселиться в Сорренто, около Неаполя. Устроились превосходно в пансионе и, отдохнув недельку, накопившись и навалившись на солнце, принялся за работу. Ну, это был просто рай. Написал я там 26 вещей, прожили 2 месяца. Познакомился с Горьким,

он очень восторженно отнесся к моим вещам и купил у меня две вещи. Он сам читал мне свои новые произведения, и мы провели несколько вечеров таких, что я их никогда не забуду. Подарил мне свою книжку с очень трогательной надписью⁸.

Сорренто вспоминаю сейчас как какой-то дивный сон. После Сорренто поехали в Неаполь, неделю осматривал его и Помпею, ездил на острова Капри, Искию, Прочиду. Был в Поццуоли, в Вай[и]. Всюду удивительные остатки римской культуры⁹. Пейзаж необыкновенный, огромный, космический. Теперь, пересматривая этюды свои, только теперь представляю себе, что можно там сделать, если побжить подольше и спокойно.

Ты прав, можно потерять вкус и удовольствие бороться за существование. Когда же, наконец, можно будет отжаться всецело своему делу, искусству, чтобы не думать ни о чем больше? Горький звал меня к себе жить, просил остаться, зовет и сейчас на весну, у него огромная чудная вилла, и вот нельзя воспользоваться этим счастьем благодаря множеству обстоятельств.

Итак, прощай Сорренто, поехал снова в Рим, уже чтобы серьезно поглядеть его. Все наново пересмотрел и написал в нем. Жил целый месяц и написал 8 вещей. Была чудная осень, и Рим так прекрасен, что я остался в нем на 2 недели дольше положенного. Ильюша, представляю твоей фантазии представить себе, что я переживал, т. к. на это надо много страниц. Все эти виллы, форумы, храмы, площади, фонтаны под ясным осенним небом неописуемы.

Работать было превосходно, полное сочувствие и уважение итальянцев к художнику просто трогательно. Писал довольно крупные этюды прямо на площадях и улицах. С большой печалью бросил Рим для Венеции, куда приехал в середине октября.

В Венеции снова работал. Попал к закрытию выставки, неделю возился с упаковкой своих картин и отправкой их. В самом конце выставки я вдруг продал 2 вещи, об этом ты, вероятно, знаешь, четверной портрет¹⁰ в Национальную галерею, где висят «Бабы» Малявина, другую — ветлы с купающимися¹¹ — коллекционеру в Милан¹². Прожил в Венеции тоже 1 месяц, написал 6 вещей. Под конец сделался довольно известной фигурой благодаря портрету и т. к. все время работал на улице. В Италии можно хорошо продавать, надо только пожить подольше. Предложили сделать в Милане выставку, но я отложил это дело, т. к. спешил в Париж.

В Венеции познакомился с Эмилем Бернаром¹³, который отнесся ко мне с большой симпатией, очень расхваливал картины мои, а главное, многое показал в Венеции, чего бы я сам не нашел. Он удивительный знаток итальянского искусства.

Наконец, распростились с Венецией¹⁴ и поехали в Париж. Устроился здесь хорошо; главное, бывшая моя ученица нашла мне на 2 месяца мастерскую, куда я поместил картины и где могу их показывать. Выставку сделаю в марте, надо это дело обдумать — дело сложное в Париже. Этим я теперь и занимаюсь. Одумываюсь, работать совсем не могу, да и не хочется. Коплю энергию на будущее.

Видаюсь с Ларионовым¹⁵, он очень радушно меня встретил, хочет пристать к нашему обществу¹⁶, вспомнил, что и он настоящий Бубнов[ый] Валет. Он стал много спокойнее, говорит, что надоели ему всякие кубизмы, хочется настоящей живописи. Вещей его я пока не видел, так же как и Гончаровой¹⁷. Они много занимались театром и всякими декоративными заданиями. Теперь их очень влечет к живописи.

Хорошо бы, если бы наша выставка в Москве дала какую-нибудь прибыль, чтобы были деньги в обществе¹⁸. Устройте выставку своими средствами, чтобы выр-

чить деньги, если нельзя, то обусловьте часть прибыли вам, часть Крас[ому] Кресту¹⁹. Нам это необходимо. Я помню, что Андреев сам предлагал делить доход пополам. Тогда бы мы могли двинуть выставку в Париж, а для этого потребуются огромные суммы. Не знаю, как я смогу участвовать на выставке, как послать вещи, да и здесь они мне нужны. Когда вы решили устраивать ее? В Россию попаду не раньше апреля или мая и, очевидно, выставить не смогу²⁰.

Осмотрел огромное количество выставок, появилось очень мало значительных художников — незначительных бедна. Зато на рынок выброшены замечательные вещи — Коро, Милле, Делакруа, Энгр, Манэ, Монэ, Ренуар, Сислей, Ван Гог, Сезанн. Все это достигло громадных цен. Был у Воллара, просил о разрешении издать перевод его книги²¹. Он был очень польщен, разрешил, даст фотографии с рисунков редких Сезанна и показал мне все новые и новые вещи Ренуара и Сезанна. Есть чрезвычайно интересные.

27 янв[аря]. Снова принимаюсь за письмо, т. к. эти 3 дня не имел ни минуты, чтобы продолжать его, т. к. или сам принимал народ у себя в мастерской, или были неотложные визиты. Один из них был особенно интересен — именно у Пикассо.

Ездили мы к нему четвером — я, Ларионов, Терновец²² и Коган²³. Пикассо друг с Ларионовым, они на ты. Человек он, должен сказать, очаровательный, несмотря на то, что достиг мирового масштаба по известности. Все, что он делает, уже заранее принадлежит Розенбергу²⁴, который его и продает, уплачивая Пикассо, вероятно, очень крупную годовую сумму. Цены на его вещи очень высоки и достигают 100 000 фр. Принял он нас весьма радушно и просто в прекрасной квартире. Жена русская Хохлова²⁵ и чудесный мальчик²⁶ лет 4-х. Показывал вещи, работает очень много, и обе комнаты, в которых он работает, буквально завалены холстами, рисунками, скульптурой, железными изделиями (целиком Татлин²⁷) и т. д.

Теперь он, бросив так называемый Энгр-овский период (sic!), пишет огромные натюрморты чистыми яркими красками в виде разводов, в которых можно различить разнообразные предметы. Наряду с этим очень нежные портреты, огромные композиции вроде рафаэлевских трех граций, все это с особенным вычурным чисто пикассовским подходом, все как будто очень интересно, но как-то не трогает и не захватывает. Все это как-то спорно, с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой — нельзя не признаться и т. д. Надо бы удивиться, а почему-то не удивляешься. Вот когда увидишь настоящее хорошее, старое, скажем, искусство, уже видал его перевидал, а откроешь рот от удивления и радости, и стоишь перед ним, и очухаться не можешь.

В этом смысле я особенно был изумлен фресками Веронеза в Вилле Мазер около Венеции, куда попал впервые. Ильюша, эти фрески сохранились, как вчера написанные. Нет возможности описать их — такая гениальная находчивость, простота, юмор, о живописи уж и не говорю. Как бы тебе дать представление о красках — есть, например, одна драпировка цвета теперешней краски поль-веронез, и на него равняется вся остальная яркость. Картины все его, конечно, невероятно изменились, но видя фрески, можно себе представить, что это было. Вот тут я рот раскрыл! Просто магия какая-то. Вообще после Италии трудно что-то радоваться на тутошнюю современность. Но будет об этом, продолжаю о Пикассо. Уж он хороший парень, незлобивый, доброжелательный, во всем его существе все же чувствуется большая внутренняя сила. Позна-

комился также с Бламингом²⁸ — это оказался огромного роста человек, веселый, толстый и очень остроумный. Завтра придет ко мне в мастерскую глядеть вещи. Живет в 40 к[м] от Парижа, собственн[ый] дом с огромной мастерской, и занят только работой. Тоже свой маршан, который продает его вещи, а он и в ус не дует, пишет себе картины, да и все.

В общем все французы наши сверстники переменялись мало, работают так же, и, может быть, этому виной маршаны, у которых они на откуп и должны повторять себя. Сегодня показал вещи Ларионову и Гончаровой, видимо, они на них произвели сильное и неожиданное впечатление. Я был очень рад их искренности и их честному отношению, они как-то безыскусственно любовались и наслаждались.

Мог бы тебе еще много писать, ибо материал у меня бесконечный, но оставляю до

следующего письма, т. к. чувствую, как несвязанно оно у меня идет сегодня. Слншком долго мы не общались с тобой, потому и получается этот хаос в письме, все хочется поскорей выворотить из себя. Пиши мне, буду очень тебе благодарен.

Олечка, Миша и Наташа шлют вам обоим сердечный привет, и мой передай Марии Ивановне.

Желаю тебе успеха и всяких благ. Крепко обнимаю и целую.

Твой Петр Кончаловский

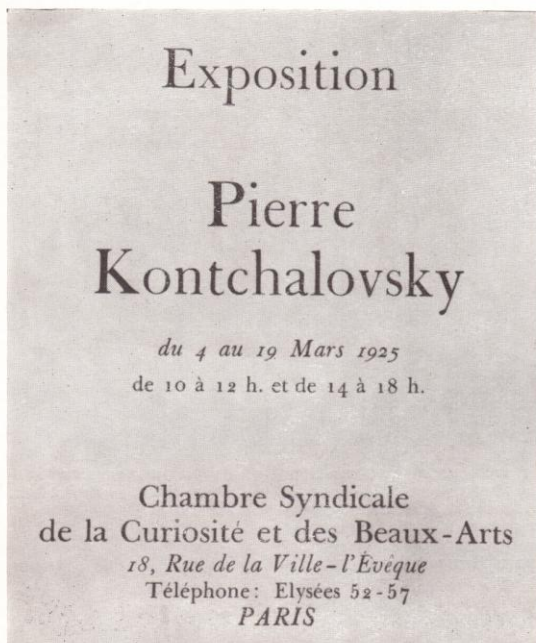
П. Кончаловский. Рисунок с картины Тинторетто. Карандаш. 1924.

Обложка каталога XIV Международной выставки искусства в Венеции. 1924.

Обложка каталога выставки П. Кончаловского в Париже. 1925.

Всем нашим художникам — горячий привет. Р. С. Я, как и всегда, конечно, ничего не имею против участия И. Эм.²⁹ на нашей выставке, но решение этого вопроса всецело зависит от общего собрания, которое как постановит, так и будет.

КОММЕНТАРИИ

¹ П. П. Кончаловский выехал из Москвы в июле 1924 года.

² Михаил Петрович Кончаловский (род. 1906) — сын П. П. Кончаловского, живописец.

³ Наталья Петровна Кончаловская (род. 1903) — дочь П. П. Кончаловского, писательница.

⁴ Речь идет о советском отделе на XIV Международной выставке искусства в Венеции.

⁵ В. И. Суриков.

⁶ Ольга Васильевна Кончаловская, урожд. Сурикова (1878—1958) — жена П. П. Кончаловского.

⁷ В 1904 году.

⁸ «Петру Петровичу Кончаловскому — поэту божьей милостью и хорошему русскому человеку. М. Горький, 26. IX. 24. Сорренто» (См.: Нейман М. Л. П. П. Кончаловский. М., 1967, с. 84).

⁹ Более подробно впечатления от Неаполя и его окрестностей описаны П. П. Кончаловским в письме к Б. Н. Терновцу от 5 августа 1924 г.: «После долгих поисков решил осесть около Неаполя, где действительно очень хорошо, именно в пресловутом Сорренто. Тут все, что хочешь, то и найдешь. Живем у самого моря, квартира очень приятная, 3 комнаты и кухня, после всех переездов здесь можно успокоиться и поработать. Я никогда не бывал в Неаполе, и этот город произвел на меня огромное впечатление. Тут в Музее целый зал посвящен Тициану. 10 крупнейших и значительнейших картин его, собранных в одной комнате, — зрелище поистине потрясающее. Особенно подействовал на меня портрет Папы Павла III с двумя племянниками. Огромное впечатление производит и отдел помпейской живописи. Тут-то и есть настоящая закуска ренессанса. Особенно сюда обращал свои взоры Рафаэль» (ЦГАЛИ, ф. 2701, оп. 1, ед. хр. 69, л. 2).

¹⁰ Имеется в виду «Семейный портрет» (1923), Национальная галерея, Венеция.

¹¹ Каких-либо сведений о судьбе этой картины найти не удалось.

¹² О. В. Кончаловская писала в своих воспоминаниях, что у П. П. Кончаловского с этой выставки «были куплены две вещи итальянским коллекционером Ладиджани» (Кончаловская О. В. Наш жизненный путь. — В кн.: Кончаловский. Художественное наследие. М., 1964, с. 54).

¹³ Эмиль Бернар (1868—1931) — французский художник и критик. П. П. Кончаловский перевел на русский язык его воспоминания о Сезанне (Бернар Э. Поль Сезанн, его неизданные письма и воспоминания о нем. Пер. с франц. П. П. Кончаловского. М., 1912).

¹⁴ Дополнительные подробности о жизни и работе П. П. Кончаловского в Италии содержатся в письме О. В. Кончаловской к М. И. Машковой из Венеции от 7 ноября 1924 года (из архива И. И. Машкова):

«Дорогая Мария Ивановна!

Как вы живете: уже четыре месяца как мы уехали, и ничего о вас не знаем. Хорошо ли провели лето и где были? Мы все еще странствуем по Италии, хотя давно пора ехать в Париж и устраивать выставку (речь идет о персональной выставке П. П. Кончаловского, которая состоялась в Париже в марте 1925 года. — И. Б.), т. к. срок нашего отпуска приближается к концу. 2 месяца мы провели в Сорренто: там очень удобно и хорошо. Купались много и наглотались солнца. Потом три недели провели в Риме. Очень много осматривали, ни одного уголка

не пропустили. Ездили и в окрестности, кои очень хороши. Теперь 3 недели проведем в Венеции. Она опустела, иностранец склынул, и Венеция грустная и серенькая, и очень красивая. Смотрим много. Эти дни ходим в квартал, где стоит палаццо Тинторетто. Дом сохранился в том виде: очень красивый и нарядный с мраморными балконами и колонками. Населен он бедной. Внизу через открытую дверь вестибюля, выходящую прямо в канал, видно, как работают тонкую золотую мебель и багеты. Палаццо все сохраняется. Кругом раньше был сад, но теперь все домики рыбаков. Квартал и при Тинторетто был рабочим. Должно быть, он мог сразу звать к себе позировать, все модели плыли мимо в гондолах и вертелись на площади. Напротив его церковь, которую он расписал всю. Там его крестили и похоронили. Петя написал это палаццо («Венеция. Дом Тинторетто», 1924, ныне хранится в Киевском государственном музее русского искусства.— И. Б.). Писать было трудно, кругом на его плечи облокачивалась итальянская толпа и поощряла каждый удачный мазок! Мальчишки сидели под ногами и ложились под мольберт, заглядывая снизу. Если какая-нибудь голова выглядывала из палаццо — мальчишки кричали: подожди, тебя пишут! Они верили и недолго позировали. Удивительная живость и наивность. 9 ноября, в воскресенье, закрытие выставки. Надо пойти, а то мы совсем не ходим: были только один раз. Вообще живем мы в Италии как в деревне. Никого не видим, встаем в 6 — и еще уличное движение в разгаре, когда в 9 ч. мы ложимся спать. Петя работает, но жалко, что слишком помалу приходится жить в городах и нельзя сделать, что хотелось бы. Ну для этого надо жить годами.

15-го мы едем в Париж. Помещение для выставки найти трудно, но думаю найдется хоть на январь. Не знаю, как у нас устроится, но вообще там дороги помещения. О Москве вспоминаю очень часто я, все-таки приятно вернуться, как здесь ни хорошо. Может быть, мы вернемся все вместе, а может быть, я с детьми раньше, а П. П. останется ненадолго в январе. Как вы покиваете и как Илья Иванович? Петя напишет ему, как только придет в Париж. Там много интересного, здесь же живем уж очень одиноко. Целую вас и очень рада была бы что-нибудь узнать о вас. Напишите: 6, rue Boissonade, Paris. Петя шлет свой привет Илье Ивановичу.

Ваша О. Кончаловская»

¹⁵ Михаил Федорович Ларионов (1881—1964) — художник. Был одним из организаторов выставки «Бубновый валет» (М., 1910—1911), но в Обществе художников «Бубновый валет», учрежденное в ноябре 1911 г. (учредители — П. П. Кончаловский, И. И. Машков, В. В. Рождественский и А. В. Куприн), не вошел. С 1915 г. жил в Париже.

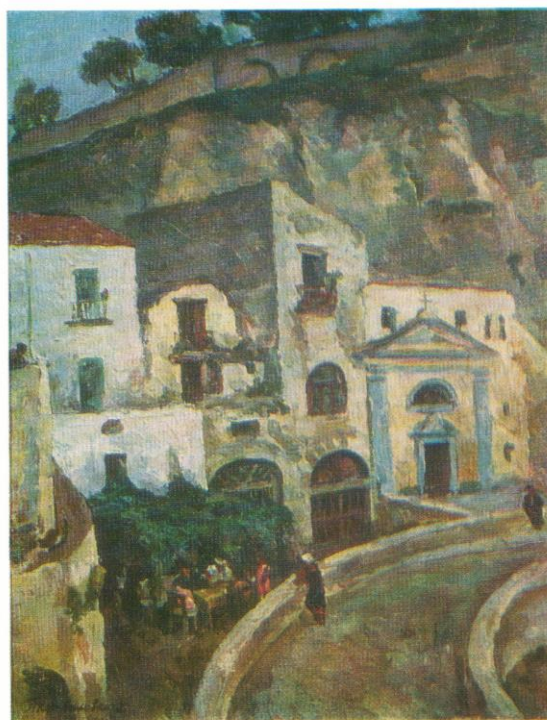
¹⁶ Видимо, речь идет об организовывавшемся в это время обществе художников «Московские живописцы», ядро которого составили бывшие участники общества «Бубновый валет».

¹⁷ Наталья Сергеевна Гончарова (1881—1962) — художница. С 1915 г. жила в Париже.

¹⁸ Речь идет об Обществе художников «Московские живописцы».

¹⁹ Российское общество Красного Креста принимало участие в организации Выставки картин 1924 г. в Историческом музее, на которой экспонировали свои произведения художники, объединившиеся впоследствии в Общество художников «Московские живописцы», а также выставки «Московские живописцы», состоявшейся в марте 1925 г.

²⁰ В выставке «Московские живописцы» 1925 г. П. П. Кончаловский действительно участия не принимал.

²¹ Амбруаз Воллар (1868—1939) — коллекционер, торговец картинами, автор книг о художниках. П. П. Кончаловский перевел его книгу о Сезанне (*Vollard Ambroise. Paul Cézanne. Paris, 1914, 1919, 1924*). На русском языке книга А. Воллара вышла в переводе Е. Малкиной в 1934 г.: Воллар А. Сезанн. Л., изд-во ЛОССХ, 1934.

²² Борис Николаевич Терновец (1884—1941) — искусствовед, музейный деятель; был генеральным секретарем советского отдела XIV Международной выставки искусства в Венеции 1924 г. В январе 1925 г. был командирован в Париж «в качестве консультанта-искусствоведа при П. С. Когане для переговоров об организации павильона СССР на

П. Кончаловский. *Дом Тинторетто*. Масло. 1924.

П. Кончаловский. *Сорренто. Могила С. Щедрина*. Масло. 1924.

24 Janvier # Hôtel Fort Royal
1. Rue du Faubourg St Jacques.

Дорогой Николай,
Я очень благодарен твоему письму и очень
благодарю тебя за внимание. Я покупал
как много для времени вложить
в нашей художественной работе
в наших рабочих и художников
маленьких и больших и как тебе лучше
друг другу. Еще со твоего письма
по поводу в Париже, когда я писал
в кругу художественной ^{декабря, с 1900}
остро почувствовал ^{и миссия}
необходимость написать тебе и твое
всякого рода хлопоты, разговору
привести откладывали, содей на свой
свое письмо. Со времени моего отъезда
из Москвы я так много видел
символов видны искусства и сами
писал, символически было встретить и зна-
комить незнакомых, которые видели
находило много интересных, что я не
знаю даже с чем начать. ~~Письмо~~
Может быть непроизвольный вид
картинной линии, отдающей от меня
и стараясь свойство образ Миталин
с ее живыми чертами и самой ва-
жной искусством. Все же наряду с
Одессо по порядку. Мейснеру Одессе
не совсем подходит и поэтому ту же
искусство и к я не оставил дома
своей жизни как одессит своего детства

Автограф письма
П. Кончаловского. 1925.

Международной выставке декоративных искусств и художественной промышленности в Париже» (см.: Терновец Б. Н. Письма. Дневники. Статьи. М., 1977, с. 26). В 1925 г. опубликовал статью о посещении мастерской Пикассо (Терновец Б. Н. В гостях у Пикассо. — «Искусство трудящимся», 1925, № 14. Перепечатана в кн.: Терновец Б. Н. Письма. Дневники. Статьи, с. 240—243).

²³ Петр Семенович Коган (1872—1932) — историк литературы, критик, президент ГАХН; был генеральным комиссаром советского отдела XIV Международной выставки искусства в Венеции, возглавлял комитет по подготовке советского отдела на Международной выставке декоративных искусств и художественной промышленности в Париже, 1925.

²⁴ Поль Розенберг, — владелец магазина по продаже картин в Париже.

²⁵ Ольга Хохлова, балерина.

²⁶ Сын Пикассо — Поль.

²⁷ Владимир Евграфович Татлин (1885—1953) — художник.

²⁸ Морис Вламинк (1876—1958) — французский художник.

²⁹ Игорь Эммануилович Грабарь (1871—1960) — художник, искусствовед, участвовал в выставках художников круга «Бубнового валета» в 1923 г. («Выставка картин») и в 1924 г. («Выставка картин, организованная Российским обществом Красного Креста»). В марте 1925 г. принял участие в выставке «Московские живописцы»; в каталоге этой выставки значился действительным членом общества художников «Московские живописцы».